

Е.В.Петрухина (Москва)

**Комбинаторика морфем и смыслов
при номинации эмоционального переживания в русском языке
в сопоставлении с чешским**

1. Вступительные замечания

Производное слово в современной славистике рассматривается и как готовая единица номинации, и как конструкт, создаваемый по определенной модели, аналогии, либо по заданному семантическому различию. Между первым и вторым подходом нет противоречий. Во-первых, как показали исследования роли производных слов в построении текста, одно и то же слово в речи может и воспроизводиться, и производиться. Во-вторых, свойства слова как номинативной единицы во многом определяются его морфемной структурой. Например, если сравнить синонимичные исконно русские и заимствованные слова типа *убийца / киллер, вымогательство / рэкет*, то становится ясно, что отсутствие внутренней формы у иностранных слов порождает своего рода затемненность их истинного смысла, влияющую на коннотации данных слов. Кроме того, изучение комбинаторики смыслов в производном слове при номинации явлений, в нашем случае эмоций, может способствовать пониманию специфики интерпретации данных явлений в языковой картине мира (ЯКМ). Последняя проблема находится в центре внимания предлагаемой статьи.

Эмотивная лексика отражает опыт интроспекции многих поколений и может служить надежным проводником во внутренний мир человека [Апресян 1995: 351]. В русском языке семантическое поле чувств является хорошо разработанным, эмотивная лексика тонко дифференцирована. «Высокий эмоциональный накал русской речи» [Вежбицкая 1996] создается за счет богатства языковых

средств выражения и номинации эмоций и существующей у носителей русского языка установки на их выражение и описание. По мнению этнолингвистов, способ интерпретации людьми своих собственных эмоций зависит, по крайней мере до некоторой степени, от лексической сетки координат, которую дает им их родной язык [Вежбицкая 1999: 505]. Большое значение придается также концептуальным метафорам [Лакофф, Джонсон 1990], тогда как словообразовательные данные при реконструкции участка ЯКМ, связанного с номинацией эмоций, практически не учитываются. Тем не менее мы считаем, что словообразовательные средства, создающие этнолингвистически значимые комбинации и оппозиции смыслов, играют большую роль при обозначении эмоций в славянских языках.

Одно и то же с денотативной точки зрения эмоциональное переживание при помощи аффиксальных средств может быть выражено в русском и чешском языках различными способами, представляющими различную его интерпретацию, ср.: *Меня тревожит молчание брата – Я тревожусь из-за молчания брата – Я встревожена молчанием брата – Мне тревожно из-за молчания брата. Zneklidňuje (znepokojuje) mě bratrovo mlčení – Jsem zneklidněna (znepokojena) bratrovým mlčením – Zneklidněla jsem, protože bratr mlčí.*

Особенностью русского языка является представление эмоциональных переживаний человека при помощи глагольных лексем как **процессов**, которые характеризуются по ряду параметров, прежде всего фазисно-временных и интенсивно-оценочных, выражаемых словообразовательными средствами. Кроме того, среди эмотивных глаголов в русском языке широко представлена оппозиция прямопереходных и рефлексивных глаголов типа *волновать-волноваться, радовать-радоваться*, семантические отношения между которыми мы трактуем как конверсивные. Чешский язык в данной области проявляет как сходства с русским языком, так и различия (о чем,

собственно, можно судить даже по приведенным выше нескольким примерам).

В данной статье рассматриваются 1) комбинаторика эмотивных глаголов со словообразовательными аффиксами в русском языке в сопоставлении с чешским и, в меньшей степени, со словацким языками, а именно сочетаемость эмотивных глаголов с модификационными фазисно-временными и оценочными аффиксами; 2) закономерности образования конверсивных пар глагольных и именных лексем.

Изучение комбинаторики морфем и смыслов в производном слове (общие основы которой в русском словообразовании разработаны в трудах Е.А.Земской, Е.С.Кубряковой, И.Г.Милославского, И.С.Улуханова и др.) при описании эмоций дает нам интересную информацию об особенностях интерпретации эмоций в русской и чешской ЯКМ.

2. Семантика мотивирующего слова и его словообразовательный потенциал

Проблема изучения зависимости словообразовательного потенциала лексем от их семантики была поставлена в ряде российских и зарубежных исследований (см. [Головин 1966; Янценецкая 1991]), которые показали, что такая зависимость есть, но она не является прямой и жесткой. Наибольшую значимость для определения деривационных возможностей лексемы имеют ее категориальные семантические признаки.

Опыт категориального подхода к классификации мотивирующих глаголов с точки зрения их словообразовательного потенциала представлен в [Янценецкая 1991], где в качестве категориальных концептов называются «представление о длительных (*спать, резать*) и недлительных (*махнуть, стоить*) ситуациях» и предель-

ность [Янценецкая 1991: 96, 99]. Лексико-семантические факторы, определяющие аспектуально-грамматические свойства глаголов – способность иметь видовую пару и способы глагольного действия – анализируются в работах А.М.Шелякина [1983, 1987], однако в несколько ином ракурсе: не со стороны мотивирующего глагола, а на уровне способов глагольного действия.

Сопоставительное исследование глагольного словообразования в славянских языках привело нас к заключению, что наибольшей значимостью для видообразования и выражения параметров протекания действия во времени словообразовательными средствами обладают следующие категориальные признаки глагольной семантики: динамичность / статичность, гетерогенность / гомогенность, терминативность / нетерминативность, мгновенность / немгновенность [Петрухина 2000]. В славянских языках зависимость потенциала модификаций базового глагола, выражающих фазисные, результативные, кратные, оценочно-количественные и другие характеристики действия, от его категориальной семантики в целом сходна, что не исключает семантических и функциональных различий между глагольными дериватами в отдельных славянских языках, подробнее см. [Петрухина 2000: 25-32].

Предикаты в предложениях *Он сегодня грустит* (1), *Ему сегодня грустно* (2) и *Он сегодня грустный* (3) представляют одну и ту же денотативную ситуацию, но входят в разные семантические классы предикатов: гомогенных процессов (1), состояний (2), качеств (3). Неглагольные предикаты выражают данную денотативную ситуацию статически, а глагольные – динамически, что отражается на сочетаемостных свойствах данных предикатов [Селиверстова 1982: 119; Вежбицкая 1996: 42; Петрухина 1996]. Эмотивные глаголы типа *грустить*, *радоваться* и глаголы деятельности типа *работать*, *гулять* обладают сходным потенциалом фазисно-временных дерива-

тов, имеют похожую сочетаемость (см. сноску 1), что позволяет отнести их к одному большому классу **динамических гомогенных ситуаций**. Статические предикаты, которые могут быть представлены и глагольными лексемами (ср. *стоять, весить, значить, знать*), практически не образуют фазисно-временных и оценочных дериватов (ср. также [Vendler 1967; Селиверстова 1982; Вежбицкая 1996]).

3. Комбинаторика эмотивных глаголов с фазисно-временными приставками

Как мы уже отмечали, для гомогенных глаголов, не фиксирующих изменения субстанции, связанной с процессом или деятельностью, в славянских языках характерно эксплицитное выражение временных границ действия при помощи словообразовательных средств, причем славянские языки различаются представленностью на системном уровне отдельных фазисно-временных модификаций, их продуктивностью, а также семантикой. Важно отметить, что у эмотивных глаголов в сопоставляемых языках имеется зависимость их сочетания с префиксами от степени процессуальности, выражаемой глаголами. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что, непереходные и переходные эмотивные глаголы, характеризующиеся разной процессуальностью, проявляют в рассматриваемых языках разную соединимость с приставками.

В русском языке непереходные эмотивные глаголы достаточно регулярно комбинируются с фазисными, ограничительными и оценочными префиксами, выражая начало эмоционального переживания (ср. *загрустить*), начало и усиление его интенсивности (ср. *развеселиться*), конец (ср. *отстрадать, отгоревать*), ограниченность эмоционального переживания временными рамками или временным интервалом (ср. *погрустить, прогоревать целый месяц*). Соединение эмотивных глаголов с такими префиксами эксплицитно дина-

мико-процессуальную интерпретацию эмоционального переживания, его пофазное представление в русской ЯКМ ¹.

У переходных эмотивных глаголов возможность сочетаемости с фазисно-временными и оценочными приставками значительно уменьшается. Не образуется финитивная модификация, ср.: *отрадовать, *отвесилить, *оттревожить, *отвозмуцать и т.д., тогда как практически от любого возвратного эмотивного глагола возможна финитивно-прагматическая модификация, выражающая либо исчерпанность того или иного эмоционального переживания (что вызывает у говорящего удовлетворение), либо невозможность такого переживания (о чем говорящий может сожалеть), например: *Я свое оттревожилась, отвозмуцалась, отволновалась...; Всё, мы отвеселились, отрадовались.*

Слабее представлена у переходных глаголов сочетаемость с начинательной приставкой *за-* (ср. *занервировать, *запечалить, ?затревожить), оценочными префиксами *пере-*, *из-* (ср. *изволновать, *изнервировать, *переволновать). Маловероятно делимитативное прочтение дериватов с приставкой *по-*, ср. ?порадовать (какое-то время), ?потревожить (какое-то время). Аналогичное ограничение сочетаемости с префиксами переходных эмотивных глаголов (в сравнении с непереходными) наблюдается и в чешском языке.

Такое изменение комбинаторики переходных эмотивных глаголов с приставками объясняется особенностями их категориального значения: актуализируя причину возникновения эмоции, они выражают не сам процесс переживания, а его **возникновение**. Ср.: *Меня беспокоит его молчание* = *У меня вызывает беспокойство его мол-*

¹ Другие показатели не статического, а процессуального, динамического представления эмоций в русской языковой картине мира (ЯКМ) отмечает А.Вежицкая: эмотивные глаголы способны управлять существительными с предлогами (*грустить о чем-либо*), что свидетельствует о связи эмоционального переживания с мыслительным процессом; эмотивные глаголы в русском языке

чание; *Ваш поступок его восхищает* = *Ваш поступок вызывает у него восхищение*. Поэтому такие глаголы и в русском, и в чешском языках выступают, как правило, в видовых парах, которые по типу семантической оппозиции можно отнести к перфектным [Падучева 1996] (ср.: *Меня восхищает* = *восхитил ваш поступок*).

Теперь проведем межъязыковое сопоставление комбинаторики непереходных эмотивных глаголов с приставками.

В сопоставляемых языках наблюдаются значительные сходства в комбинации базовых эмотивных глаголов с названными приставками, но имеются и некоторые различия, по всей видимости, свидетельствующие о расхождениях в интерпретации процессуальности / стативности эмоциональных переживаний в ЯКМ.

Приставки, выражающие начало, в русском языке соединяются с эмотивными глаголами свободнее, чем в чешском. Начало эмоционального переживания в западнославянских языках может быть выражено либо аналитически (*Семен заскучал без своего друга* – чеш. *Semjonovi se bez přitele začalo stýskat* [VČRS]), либо совместно со смыслом интенсивного развития переживания (при помощи конфикса чеш. *roz- se*, слов. *roz- se*).

При соединении с приставкой *za-* эмотивные глаголы в русском языке выражают особый тип начинательности (так называемое инцессивное значение): начало как **становление** нового эмоционального состояния. Подтверждением этому служит сочетаемость начинательных эмотивных глаголов с адвербиальными показателями становления эмоционального процесса-состояния типа *постепенно, быстро, совсем, к вечеру*. Ср.: *Она совсем загрустила; Ребенок быстро заскучал; К вечеру она затосковала* (Ср. невозможность предложений * *Он совсем заходил по комнате; * К пяти часам он зашагал по дороге*).

В западнославянских языках глаголы деятельности и гомогенного процесса, соединяясь с префиксом *za-*, выражают цельный квант действия, ограниченный начальным и конечным пределами и неделимый на фазы. З.Скоумалова по отношению к значению чешских глаголов с приставкой *za-* использует термин «манифестация действия», под которым понимается значение проявления действия в течение некоторого непродолжительного времени [Skoumalová 1968: 213; Петрухина 2000: 167]. Аналогичную семантику имеют и эмотивные глаголы с приставкой *za-* Ср. чеш. *zatrápit se* – ‘*chvíli se potrápit*’, *zatesknit* – ‘*chvíli po něčem smutně toužit*’ (PSJČ).

Но в целом отмеченные русско-чешские соответствия отвечают общим закономерностям комбинаторики приставок *za-*, *za-* с гомогенными динамическими глаголами, ср. [Петрухина 2000: 190-209]. Что же касается других приставок, то в чешском языке наблюдается снижение их соединимости с эмотивными глаголами (в сравнении с глаголами деятельности и гомогенных процессов), тогда как в русском языке различия между названными классами глаголов не столь существенны².

Ограничительные модификации в чешском языке в целом менее продуктивны, чем в русском, от эмотивных глаголов делимитативы образуются еще реже. Ср. русско-чешские словарные эквиваленты: *побеспокоиться (какое-то время)* – *být nějakou dobu zneřočen*; *позлиться (какое-то время)* – *trochu/ chvíli se zlobit*, *нервничать (какое-то время)* – *chvíli být nervózní, rozčilovat se*; *покапризничать* – *chvíli zlobit, trochu si zavrtošit*; *пострадать какое-то время* – *strádat, trpět nějakou dobu*; *посердиться* – *zlobit se (chvíli)*,

ности [Вежбицкая 1996: 42, 43]

² У делимитативов, образованных от эмотивных базовых глаголов, появляются некоторые особенности их употребления, в частности преимущественное использование в парно-соотнесительных или цепных конструкциях. Менее частотное использование одиночных эмотивных делимитативов, в сравнении с делимитативными формами глаголов деятельности, объясняется разной степенью контролируемости обозначаемых ситуаций, см. также [Петрухина 2000: 141-155.]

hněvat se. Словацкий язык, по имеющимся у нас данным, здесь проявляет больше сходств с русским, чем чешский. Ср.: *Ничего, победимся и успокоимся* – слов. *To nič, pozúri si a upokojí sa*; чеш. *To nic, chvíli se bude vztekat a uklidní se*; Он немного *поревновал и простил* – слов. *Chvíľu žiarlil a potom odpustil* (возможно и *chvíľu (si) požiariľ*); чеш. *Chvíli/ nějakou dobu žárlil, ale pak odpustil; Trochu si zažárlil, ale pak odpustil*.

Вызванное теми или иными причинами окончание психических, эмоциональных переживаний и внешних проявлений чувств в русском языке может быть выражено синтетически, при помощи приставки *от-*, в чешском языке только аналитически, ср.: *отгрустить* – *přestat se rmoutit*; *отвеселиться* – *přestat se bavit*; *отмучиться* – *přestat se trápit*; *отсмеяться* – *přestat se smát*. *Хватим, отбоялся* (разг.) – *To stačí, už jsem se přestal bát (Už jsem se nabál dost)*.

Не характерны для чешского языка **оценочные** модификации эмотивных глаголов, ср. *изволноваться* – *stálým neklidem se utrápit/ usoužit*; *Я сегодня так наволновалась!* – *Co jsem zažila strachu!* Элемент оценочного смысла, в русском языке выражаемый приставкой, в чешском передается аналитически, часто другим глаголом, ср.: *Мы из-за тебя так переволновались* – *Strašně/ hrozně/ příšerně jsme se o tebe báli*; *Же jsme o tebe ale měli pořádný strach!* *Co jsme o tebe zažili/ zakusili strachu!*; ср. также: *мучиться* – *mučit se, trápit se*; *измучиться* – *vyčerpát se, vysílit se, utrápit se*; *замучиться* – *úplně se vysílit/ vyčerpát*.

Но и в чешском языке возможна актуализация динамического восприятия отдельных эмоциональных переживаний, которая может выражаться при помощи деривационной модели *roz- + se*. Начинательно-усилительная (эволютивная) модель *roz- + se* в чешском языке более продуктивна, чем соответствующая модель *раз- / рас- -ся* в русском. Она характерна для более широкого, чем в русском языке,

круга семантических групп глаголов, в том числе со значением психических состояний, например: чеш. *tesknit* (тосковать) – *roztesknit se, jásat* (ликовать) – *rozjásat se*. Характерно, что вторичные имперфективы, в некоторых случаях образующиеся от данных дериватов, могут выражать большую интенсивность психического процесса без актуализации его начала: *Díval jsem se na vadnoucí květy a rozteskňoval se* (Klíma) – Я смотрел на увядающие цветы и (очень) грустил; *Dívala se na obrázek a rozradostňovala se* – Она смотрела на картинку и радовалась.

В целом же выражение временных границ эмоционального и психического переживания, его интенсивности при помощи словообразовательных средств по продуктивным моделям, характерным для глаголов деятельности и гомогенных динамических процессов, свидетельствует о процессуальном, динамическом представлении эмоций в русской ЯКМ. В чешской ЯКМ эмоциональное переживание, по данным комбинаторики эмотивных глаголов с фазисно-временными и оценочными префиксами, предстает более статически. Об этом говорят и другие языковые данные, прежде всего функциональные соотношения глагольных и именных конструкций, например: *Он сегодня нервничает* – *Je dnes nervózní*; *Я радовалась его письму* – *Měla jsem radost z jeho dopisu*; *Я восхищалась его успехом* – *Byla jsem nadšena jeho úspěchem/ Měla jsem z jeho úspěchu ohromnou radost*. *Меня воодушевил его успех* – *Jeho úspěch mi udělal ohromnou radost*. *Вы меня воодушевляете*. – *Dodáváte mi odvahy*; *После этого разговора отец воодушевился*. – *Po tomto rozhovoru si otec dodal odvahy*.

Анализируя реализацию словообразовательных моделей и оппозиций, мы можем получить и более существенные знания об интерпретации эмоций, в частности об их мотивированности / немотивированности, в рассматриваемых ЯКМ.

4. Конверсивные пары эмотивных лексем в русском языке в сопоставлении с чешским (с точки зрения ЯКМ)

Ряд американских психологов считает, что все эмоции по своей природе являются мотивированными [Апресян 1994], тогда как некоторые лингвисты, анализируя языковые данные, допускают немотивированность внешними событиями отдельных эмоций, в частности в русском языковом сознании. В качестве аргументации данного тезиса приводятся довольно частотные в русской речи и в русской художественной литературе высказывания типа *Он чувствовал какую-то грусть, сам не зная, почему* [Вежбицкая 1999: 512], подчеркивающие субъективность и необъяснимость того или иного чувства, см. подборку примеров с русским *почему-то*, в том числе и при эмотивных лексемах, в статье Е.В.Падучевой, посвященной неопределенности в русской ЯКМ (например: *Надя слышала это и в прошлом году и, кажется, в позапрошлом и знала, что Саша иначе рассуждать не может, и это прежде смешило ее, теперь же почему-то ей стало досадно*) [Падучева 1995]³.

Какие данные о мотивированности / немотивированности эмоций дает нам языковой материал? Анализ прежде всего валентных свойств глаголов позволяет говорить о разной степени мотивированности эмоциональных переживаний, представленных в русской и чешской ЯКМ. К типичным эмоциям-реакциям относят стыд, страх, восхищение, ярость, удивление и др. Глаголы, их обозначающие, имеют обязательный семантический актанта, соответствующий каузизирующему событию или его субъекту – *бояться чего-то, кого-то, восхищаться чем-то, волноваться из-за чего-то, удивляться чему-*

³ Именно немотивированностью и непредсказуемостью эмоций Д.Микеш в своей известной книге "How to be an alien" в шуточной форме объясняет загадочность славянской души. Ср. «У иностранцев есть душа: у англичан ее нет. На континенте вы найдете много людей, которые тоскуют без особой видимой причины, страдают и выглядят чрезвычайно уныло. Все из-за души. Самый плохой вид души – это широкая славянская душа. Люди, страдающие из-за нее, – очень глубокомыслящие. Они могут сказать что-то вроде этого: «Иногда я такой счастливый, иногда я такой печальный. Вы можете объяснить почему?» (Вы не можете, даже не пытайтесь)» [Mikes 1960].

либо и т.д. К нереактивным, немотивированным эмоциям можно отнести чувства одиночества, уныния, тоски, скуки: соответствующие глаголы и имена часто не имеют при себе актанта-каузатора [Иорданская, Мельчук 1996]. Но следует добавить, что любой эмотивный глагол, в том числе выражающий так называемые нереактивные эмоции, может иметь при себе указание на причину того или иного переживания (*скучать по кому-либо, скучать без дела, тосковать без семьи, вдали от дома, грустить без друзей*), что также отвечает упомянутым научным представлениям психологов, и не только психологов, но и философов. Философское осмысление эмоциональных и психических переживаний может вскрыть глубокие причины их возникновения. Так, к концепту 'тоска' обращались многие философы (С.Кьеркегор, Ж.-П. Сартр, Н.А.Бердяев и др.), усматривающие причину этого сложного эмоционального переживания не столько в событиях внешнего мира, сколько в самой экзистенциальной сущности человека, конечности его земного бытия [Степанов 1997: 676-678].

Этнолингвистические исследования реконструируют представления о человеческих чувствах и эмоциях в обыденном (ненаучном) сознании, «наивной» картине мира, причем в оценке мотивированности / немотивированности, степени реактивности эмоций между научной и «наивной» картинами мира, по нашему мнению, нет кардинальных различий.

Исследование словообразовательной системы эмотивной лексики в русском и чешском языках привело нас к следующим выводам. Несмотря на миф о непредсказуемости и немотивированности эмоциональных переживаний «славянской души», при обозначении эмоций в русском и чешском языках большую роль играет мотивация эмоционального переживания, т.е. категория причинности, о чем свидетельствуют разнообразные и тонко дифференцированные средства для ее выражения и анализа. В сопоставляемых славянских языках есть особые деривационные модели, акцентирующие, профили-

рующие каузатора эмоционального переживания. Здесь особенно важно подчеркнуть систему переходных эмотивных глаголов, составляющих оппозицию с соответствующими возвратными глаголами.

Такие оппозиции имеют глаголы, обозначающие, так называемые реактивные эмоции, ср. *радовать - радоваться; злить - злиться, мучить - мучиться, обидеть - обидеться* (в русском языке около 80 пар, если считать не только базовые, но и производные глаголы); *tešit - tešit se, rozčilovat - rozčilovat se, mučit - mučit se, urazit - urazit se*. Как показал наш материал, в чешской словообразовательной системе такая оппозиция эмотивных однокоренных глаголов выражена несколько менее последовательно, чем в русской, ср.: *бесить - беситься / * - zuřit; изумить - изумиться / ohromit - užasnout; být ohromen, *ohromit se*.

Семантические отношения между возвратными и невозвратными глаголами мы рассматриваем, вслед за Ю.Д.Апресяном [Апресян 1974: 271], как конверсивные: данные глаголы при помощи регулярных словообразовательных средств обозначают разные образы одной и той же денотативной ситуации. Различия заключаются в разной степени определенности каузатора. У переходных глаголов каузатор, занимающий в соответствующем предложении место подлежащего, акцентирован (*Его письмо меня рассердило – Jeho dopis mě rozčilil*). Другим синонимичным эмотивным конструкциям с краткими причастиями и возвратными глаголами каузативный компонент также присущ, но он переходит из центрального фокуса внимания на периферию, тем самым понижаясь в коммуникативном ранге [Падучева 1997], ср. *Я была рассержена его письмом – Byla jsem rozčilena jeho dopisem; Я рассердилась из-за его письма, – Rozčilila jsem se nad jeho dopisem*. При употреблении возвратных глаголов причина того или иного эмоционального состояния может

выражаться различными способами, в том числе разворачиваться в текст, каузативный компонент нередко лишь подразумевается, но не называется [Переверзев 1996].

Глаголы, выражающие так называемые нереактивные эмоции как правило, являются непарными, в большинстве своем невозвратными (*тосковать, грустить, робеть, скучать, хандрить, унывать, стесняться; toužit, tesknit, stykat se, ostýchat se*). Но соотношение парности / непарности и реактивности / нереактивности непоследовательное, ср. непарные глаголы, выражающие эмоциональный процесс как непосредственную реакцию на какое-либо явление, ср. – *горевать, ликовать, негодовать, переживать, бояться, гордиться, наслаждаться; truchlit, jásat, bát se, vychutnávat*⁴.

Семантическая оппозиция глаголов, основанная на акцентации каузатора или носителя эмоционального состояния, мотивирует оппозицию соответствующих атрибутивных форм – прилагательных и причастий типа *возмутительный (поступок) / возмущенные (покупатели)*. Рассмотрим закономерности их образования и комбинации смыслов в сопоставляемых языках.

Что касается образования причастий, выражающих эмоциональное переживание человека (а также его вступление в данное состояние и каузацию данного состояния внешней причиной), то в русском языке это регулярный процесс (ср. *вдохновленный его примером (солдат), возмущенные таким поступком (пассажиры), восхищенные мастерством артиста (зрители), обиженный невниманием (ученик)* и т.д.).

Эмоциональное состояние могут выражать и непроизводные прилагательные (*веселый, злой*), а также прилагательные, образованные от исходных существительных при помощи суффикса *-н-* (*беспокойный человек*). В отличие от причастий такие прилагательные не

⁴ Русским эмотивным глаголам не всегда можно найти чешский глагольный эквивалент, например таким глаголам, как *негодовать, переживать, гордиться, хандрить, унывать*.

выражают признаки начала и каузированности состояния, так что обозначаемое эмоциональное состояние может выступать как постоянная характеристика субъекта.

Прилагательные, указывающие на каузатора, могут быть 1) непроизводными (ср. *веселое представление*); 2) образованными при помощи суффикса *-н-* или, реже, *-лив-* от непроизводного эмотивного существительного (*досадная ошибка, нервная работа, обидные слова, печальное известие, тоскливая вечеринка*), 3) от непроизводного глагола при помощи суффиксов *-ущ/-ющ-*, *-ащ/-ящ-*, соотносительных с суффиксами причастий (*волнующие события*), суффиксальным блоком *-тельн-* (*волнительные события*).

Наиболее многочисленны каузативные прилагательные, образованные от глаголов. Строгих закономерностей выбора среди названных аффиксальных средств нам не удалось обнаружить. Можно лишь отметить, что наличие имени деятеля с суффиксом *-тель* (причем не всегда в значении каузатора эмотивного переживания) обязательно предполагает образование соответствующего прилагательного. Например, *возмутительное спокойствие* (ср. *возмутитель*), *возмущающий* является причастием, так как употребляется исключительно с зависимыми словами; *мучительный вопрос* (ср. *мучитель*). Но аналогичные прилагательные могут быть образованы и с пропуском деривационного шага: *восхитительный, изумительный, огорчительный, волнительный*. А при наличии *вдохновителя* из двух прилагательных *вдохновительный* и *вдохновляющий*, более употребительным является последнее, ср. *вдохновляющий пример*. Есть и такие случаи (они немногочисленны), когда нет прилагательного с формантом *-тельн-*, а лишь с отпричастным суффиксом: *воодушевляющий пример*. Избирательная сочетаемость данных прилагательных с именами каузатора демонстрируется ниже при сопоставлении

чешских словосочетаний (более единообразных) и их русских эквивалентов.

В чешском языке признак носителя эмоционального состояния также достаточно регулярно выражают атрибутивные причастные формы на – *ný*, образованные от переходных глаголов СВ: *znerokojený, inspirovaný, pohoršený, nadšený, udivený, zarmoucený* и т.д.

На каузатора указывает более однородный, чем в русском языке, класс отпричастных прилагательных на –*ící*, которые в русском языке соотносятся как с прилагательными, имеющими рассмотренные выше суффиксы, так и с причастиями. В последнем случае, при невыраженности эксплицитного носителя эмоционального состояния, каузирующий компонент в эквивалентном русском словосочетании будет выражаться аналитически. Ср.: *Znerokojující (zpráva, dopis, otázka, prosba) – вызывающее (-ая, -ий) беспокойство (известие, письмо, просьба, вопрос); ср. беспокоящий кого-то вопрос. Znervózňující (hluk, tikání budíku, zpráva) – действующий (-ее) на нервы (шум, тиканье будильника). Uklidňující (lék, hudba, zpráva, barvu, četba, prostředek) – успокоительное лекарство, успокаивающая музыка, успокаивающее чтение, спокойные цвета, ?успокаивающая информация (ср. обнадеживающая информация). Ponižující (trest, slova, úkol, postavení) – унижающие (кого-то, человеческое достоинство) слова, унижительное (наказание, задание, положение).* Как мы видим, атрибутивные каузативные формы в русском языке характеризуются избирательной сочетаемостью с существительными, которая требует дополнительного изучения.

Каузативные отглагольные прилагательные в чешском языке могут иметь также суффиксы –*iv-, -liv-, -ut-*: *povzbudivý příklad – вдохновляющий пример; pohoršlive chování – возмутительное поведение; mrzutá chyba – досадная ошибка (ср. mrzutý člověk – ворчли-*

вый, недовольный человек); *urážlivá slova* – оскорбительные слова (ср. *urážlivý člověk* – обидчивый человек).

Менее последовательно каузатор и носитель эмоционального переживания словообразовательными средствами выражаются в области имен существительных, данная оппозиция в рамках однокоренных производных, как правило, не реализуется. Ср.: *вдохновитель (-ница)* – *inspirátor(-ka)*, *мучитель (-ница)* – *mučitel(-ka)*, *trapič*, *обидчик (-чица)* – *; *весельчак* – *veselá kopa*, *злюка* (разг.) – *vztekloun (-ka)*, *zlostník (-ice)* (hovor.), * – *nervák* (имена, называющие носителя эмоционального состояния, указывают также на его склонность к этому состоянию, т.е. на его постоянную черту).

Таким образом, изучение словообразовательной подсистемы эмотивной лексики в русском и чешском языках позволяют строить гипотезы об изучаемых фрагментах ЯКМ: о степени динамичности и процессуальности, мотивированности / немотивированности эмоциональных переживаний. Разнообразные и относительно регулярные способы выражения и актуализации каузатора показывают, как важен в рассматриваемых ЯКМ анализ, самоанализ и поиск причины эмоционального переживания человека.

Литература

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995;
- Апресян В.Ю.. 1994. Эмоции: современные американские исследования // Семиотика и информатика. 34. М., 34.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996;
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999;
- Головин Б.Н. Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке. АДД. М., 1966;

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.

Падучева Е.В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave*. Padova, 1996.

Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996;

Падучева Е.В. Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации // Научно-техническая информация. Серия 2. 1998. 4;

Переверзев К.А. Семантика каузации на фоне лексической и пропозициональной типологии // Вопросы языкознания, 1996, 5.

Петрухина Е.В. Глаголы деятельности и их фазисно-временные модификации в современном русском языке // Исследования по глаголу в славянских языках. Глагольная лексика с точки зрения семантики, словообразования, грамматики. М., 1996

Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000;

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола (теоретические основы). Таллин, 1983;

Шелякин М.А. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987;

Янценецкая М.Н. (ред.). Семантические вопросы словообразования: производящее слово. Томск, 1991;

Mikes G. How to be an alien. London 1960.

Mluvnice češtiny. 2. Tvarosloví. Praha, 1986;

Skoumalová Z. O komplexní analýzu verbální prefixace // Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české III. Praha, 1968;

Vendler Z. Verbs and times // *Linguistics in philosophy*, Ithaca (N.-Y.), 1967;

Использованные словари

Словарь русского языка. Т. 1-4, М., 1981–1984;

VRČS — Velký rusko-český slovník. D.1-5. Praha, 1952–1960;

SSJČ Slovník spisovného jazyka českého. D. 1-4. Praha, 1960 – 1971